

ПУТЬ К ДРУЖБЕ

В дни празднования 40-летия нашей Победы над фашистской Германией при взгляде на послевоенный путь становления советско-германской дружбы вспоминается один эпизод, который свидетельствует о благожелательности трудящихся немцев к нашей Советской Армии ещё в первый послевоенный год. Из таких ростков усилиями наших братских партий - КПСС и СНИП - и выращивалась дружба советского и германского народов.

В начале 1946 года наша воинская часть находилась в Восточной Германии. Командир приказал мне выехать в одну отдалённую деревню выяснить обстоятельства, при которых деньг назад утонул наш солдат, и похоронить его. Солдат этот, по фамилии, кажется, Иванов, служил в находившемся постоянно в этой деревне отделении связи. Каждый день связисты по очереди привозили в нашу часть почту, доставлявшуюся к нам из штаба соединения, т.е. осуществлял "эстафетную связь".

Иванов - молодой парень, служил в армии ещё недолго, был недостаточно дисциплинирован. Катаясь в свободное время на велосипеде близ замёрзшего деревенского пруда, он соблазнился его ровной поверхностью и въехал на лёд. Прямо на ~~приближении~~ середине пруда он провалился и стал звать на помощь. Молодая немецкая крестьянка - её звали, кажется, Марта - услышала и кинулась к сержанту, командиру отделения. Тот схватил верёвку и вместе с одним солдатом (остальные были в отъезде) прибежал к пруду. Когда он подполз к Иванову, оказалось, что верёвка коротка. Солдат, державший другой конец, сошёл на лёд. Сержант попытался бросить верёвку Иванову. Но лёд не выдержал толчка и сержант провалился в воду. Солдат у берега натянул верёвку, лёд треснул, и ...он тоже очутился в воде.

Пруд был глубокий: даже у берега солдат не доставал дно. Трое барахтались в ледяных проломах и погибли бы, наверное, все, если

бы не Марта, которая быстро принесла лестницу и спустила её на лёд. Солдат у берега взобрался на неё и вытянул сержанта, который сразу побежал собирать ~~мешки~~ немецких крестьян, чтобы вытащить Иванова, уже скрывшегося под водой. Когда сделали плот и, пробившись от противоположного берега через лёд к середине пруда, багром вытащили Иванова, спасти его уже было невозможно. Лишь велосипедный след на пруду да взломанный лёд говорили обо всём происшедшем.

Окончив расспрашивать сержанта, солдат, Марту и вытащивших Иванова крестьян, я вышел на улицу и был поражён тем, что у гроба Иванова собралась целая толпа. Никто из нас и не заикнулся о помощи в похоронах, но крестьяне уже сами сделали всё необходимое. Вместе с нами вся деревня - несколько десятков людей - провожала безвременно умершего парня в последний путь. Женщины плакали ~~и~~ навзрыд. Все бросили в яму по горсти земли. Какой-то старик даже пробормотал скороговоркой слова молитвы. И, когда все расступились, холмик могилы оказался сплошь зелёным: он был выложен ^{еловым} лапником, который немцы принесли с собой.

Признаюсь, для меня всё это было тогда несколько неожиданным. Ведь всего лишь незадолго ~~до~~ перед этим наши войска вели здесь ~~биты~~ с немецко-фашистскими войсками, в которых были, конечно, и солдаты из этой деревни. Подозревать у немцев какой-то "групповой подхалимаж" по отношению к нам было бы смешно. Видимо, простые немцы уже ~~и~~ тогда понимали: Советская Армия не просто оккупировала Восточную Германию, а освободила её от фашизма, и возврата к нему не будет. Поэтому они и ~~крепкими~~ помогли попавшим в беду советским людям, проявили уважение к погибшему советскому солдату.

В.В.Груздев,

ст. научный сотрудник
Биологического ф-та МГУ

КОНЕЦ ВРАЖЕСКОЙ ГРУППИРОВКИ.

Битва на Волге была одной из самых ожесточенных в прошедшей войне. Когда фашисты очутились в "котле", были приложены все усилия чтобы они оттуда не вырвались.

В книге маршала К.К.Рокоссовского "Солдатский долг" написано, что Донской фронт должен уничтожить 22 вражеские дивизии, общая численность которых к концу декабря /1942г. - В.Г./ составляла 250 тыс. человек. Далее маршал упоминает среди частей и соединений /большой частью артиллерийских/, приданных Ставкой Донскому фронту "две гвардейские минометные дивизии". В одной из них - 3-ей Гвардейской минометной дивизии - мне и пришлось участвовать в Великой Сталинградской битве на ее завершающем этапе.

Нам 436 ОГМД (отдельный Гвардейский минометный дивизион) в ходе сражений придавался 65-ой, 21-ой, а также 57-ой армиям. Дивизион состоял в большинстве из молодых девятнадцати-двадцатилетних, только что обученных солдат, сержантов и офицеров. Лишь командование дивизиона и командиры батарей были уже опытными в боевых делах. Мы были еще не настоящие гвардейцы, хотя и назывались гвардейским именов.

Нас одели в ватные фуфайки и брюки, дали теплые шапки и валенки. Без них было бы очень трудно. До костей пробирал мороз с ветром, а греться нигде: все разрушено, впереди почти исключительно голая заснеженная степь. Уцелевшие жители прячутся глубоко под землей, в погребах. Недалеки нельзя сечь ватник под которым на теле шевелятся "немские перебежчики" - шиш, подобранные при ночевках в покинутых землянках. Не блистало и питание: успевали доставлять только мералый хлеб и кашу из пшеничного концентрата. Но тем не менее, каждый старался изо всех сил.

Усталость и недостаток выдержки у молодых солдат иногда приводили к напрасным жертвам. Так молодой телефонист Охлупин часто засыпал, находясь на дежурстве у телефона, а однажды заснул во время марша и свалился под колеса "Студебеккера". И как раз в это время заступил дежурить по дивизиону. И пришлось мне с дивальными хоронить его в окопе у Дмитровки. Потом я был "офицером связи" и на попутных машинах, а часто и пешком, доставлял пакеты из полка в дивизию и обратно: выделенная мне старая полуторка быстро вышла из строя.

С боями мы шли от Дона к Сталинграду. Из каждой балки наш дивизион помогал пехоте выковыривать врага мотками залпами. А покинув балку, немцы подобно шарам стеной травы "перекати поле", гоняемы ветром, катились по голой, как стол, заснеженной степи до следующей балки, оставляли черные головки трупов. Заполнялись за очередную балку - и начиналось все сначала. И вот станция Вараново. Дивизион стреляет в сторону далеких остатков водонапорной башни. Еще немного и перед нами Сталинград.

После голой степи неожиданно высокими, даже величественными кажутся поднимающиеся вдали коробки домов. Над городом стоит дымная мгла. Над несочтенными осколками остовов домов, поднимаются кое-где клубы дыма. Они вызывают удивление: что может еще гореть здесь после полу-года непрерывных бомбежек и обстрелов.

Город весь как бы кипит от непрерывного грохота. Наш дивизион добавляет залпами и свои доли в этот "котел". Могучо скрепят катящиеся. То тут, то там рвутся мины и снаряды ослабевшего, но упорно отрывающегося противника. Всюду замерзшие трупы и кровь, к которым уже привыкли.

И вот 2 февраля 1943г. наступила такая тишина, как будто кончилась война. Мы впервые ощутили, что такое тишина после победы. На душе радостно, хотя и знаешь: нет война еще не кончилась, она

просто отодвинулась на сотни километров к западу.

Длинные бесконечные колонны пленных, шаркая ногами и хрустя по замерзшему снегу, медленно тянутся по дороге в направлении Дона, откуда они еще осенью так ожесточенно рвались к Волге. Немецкие солдаты закутаны в одеяла, во все, что может как-то спасти от пронзительного студеного степного ветра. Сейчас они вызывают даже жалость, но кто, как не они еще несколько часов назад, с бессмысленным упорством, до последнего не жалали складывать оружие.

Позади этих живых колонн в городе растут "поленницам" подобранных после боя трупов. Но жизнь продолжается, дымятся полевые кухни, звучит смех наших солдат... А у станции Вараново, по которой мы недавно стреляли, уже деловито шкрякает и дымит паровоз. В город, таща за собой санни, возвращаются женщины и старики.

Получим приказ покинуть эти места. Дивизион на марше. Ночь. Длинная вереница боевых и обслуживающих машин медленно ползет по наскоро расчищенным улицам города-героя. Ни одного огня. Лишь лунным тусклым светом озаряют исковерканные, но продолжающие стоять наперекор всему стены домов. Пересекая Волгу, машины идут вглубь заволжских степей - к глухой маленькой железнодорожной станции, где нас уже ждут в темноте платформы и топлушки... Впереди снова фронт.

В 1951-1952 гг я снова побывал в этих местах, собирал материалы для кандидатской диссертации. Город был уже восстановлен. А на пути наших войск от Дона к Волге протянулся красавец канал, и ребятами, сидя на своей земле, закидывали в него удочки. Не попадались еще в степи равные винтовки, кучи старых гильз, неразорвавшиеся снаряды и мины, даже человеческие черепки... И снова, и снова вспоминалась зима 1942-1943 годов, незабываемое время, когда впервые пришлось и мне, 19-летнему лейтенанту "шкаться пороком" в этих овеянных боевой славой степях.

Старший научный сотрудник Биологического ф-та МГУ

В. ГРУЗДЕВ